

УДК 130.2:316.722

Шадже А.Ю., Куква Е.С.

Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

МОДЕРНИЗИРУЮЩИЙСЯ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

A. Shadzhe, E. Kukva

Adyghe State University (Maikop)

MODERNIZATION OF THE NORTH CAUCASUS: PARAMETERS OF IDENTITY

Аннотация. В статье анализируется социокультурное пространство северокавказского сообщества, представляющее собой сложную открытую систему. В условиях модернизации северокавказского общества этнический фактор продолжает играть значимую роль в регионе. Этнокультурные традиции, составляя основу культурной самобытности, остаются наиболее устойчивыми элементами в рассматриваемой системе. Взаимодействие традиций и инноваций на Северном Кавказе рассматривается на примере идентичности как многоуровневого иерархического образования, объединяющего традиционные и современные типы идентичностей: этнокультурную, региональную, национальную, цивилизационную. Базируясь на различных ценностях, данные типы идентичностей не исключают, а дополняют и укрепляют друг друга.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социокультурная система, идентичность, модернизация, традиция, инновация, синергетический подход.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the socio-cultural space of the North Caucasian community which represents a complex open system. In the conditions of modernization of the North Caucasian society the ethnic factor continues to play an important role in the region. Ethno-cultural traditions, as a basis of cultural identity, are stable elements in this system. The interaction of traditions and innovations in the North Caucasus is shown by example of identity as a multilevel hierarchical formation uniting traditional and modern types of identities: ethnocultural, regional, national, civilizational. They are based on various values which do not exclude, but rather supplement and strengthen each other.

Key words: North Caucasus, socio-cultural system, identity, modernization, tradition, innovation, synergetic approach.

Северный Кавказ является сложнейшей, исторически сложившейся гео-, экономико-, политико-, социо-, этнокультурной системой. В ее функционировании важная роль принадлежит этнокультурному разнообразию. В ходе анализа модернизации региона в современных условиях установлено, что корни этнического самосознания изменяются медленно, особенно эталоны культурной самобытности, формирующие ценностно-мировоззренческие ориентации человека, его миропонимание. Поэтому встает проблема сохранения этнокультурного разнообразия в условиях единой гражданской нации.

В контексте укрепления российской идентичности на Северном Кавказе представляется необходимым переосмысление особенностей формирования и функционирования современного северокавказского общества. Наше обращение к данной проблеме обусловлено необходимостью выявления идентификационной сущности северокавказского

общества, что позволит выявить параметры порядка рассматриваемой системы. В связи с этим хотелось бы остановиться на ряде вопросов, касающихся изучения северокавказского общества, безусловно, не претендуя на исчерпывающие ответы.

Характеристика северокавказского общества.

В функционировании Северного Кавказа как сложной системы важная роль принадлежит социальному фактору. Представляется, что социальные изменения последних лет в регионе можно понять лишь в контексте общего процесса модернизации России. Но важно учесть и другую сторону, то есть выявить общее в отдельном – особенности формирования и функционирования северокавказского общества. Такую работу считаем возможной, если анализировать социокультурную реальность, что позволит понять этнический фактор и этнический уклад жизни.

Представляется, что изучение традиционных ценностей, сложившихся в социокультурном пространстве, изменений полиэтничного общества имеет большое значение для определения типичных параметров порядка и существующей социодинамики, а также для формирования нелинейного мышления в управлении самоорганизующейся полиэтничной системой и укреплении российской идентичности на Северном Кавказе.

Северный Кавказ рассматривается нами как гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общую историческую судьбу, сочетание которых создаст уникальную региональную специфику. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что Северо-Кавказский регион совпадает с социокультурной таксономией. Этим и оправдано применение в исследовании со-

циокультурного подхода к рассматриваемому региону.

Характеризуя социокультурное пространство регионального сообщества, будем использовать методологию М.С. Кагана: это системно-философское рассмотрение культуры и социокультурного пространства, представляющее собой системно-целостное единство; именно в этом своем качестве оно может и должно быть понятно, объяснено и описано [6, с. 21]. Такой подход позволяет осмыслить региональное социокультурное пространство в целостности, конкретных формах его существования, в строении, функционировании и развитии и, что очень важно, – выявить особенности идентификационной сущности северокавказского общества.

На Северном Кавказе исторически оформилось достаточно самобытное социокультурное пространство, генезис которого уходит к историческим корням возникновения кавказских этносов на земле. Несмотря на целостность регионального сообщества, каждый этнос имеет свою культурную модель существования – мировоззренческую картину, которая обуславливает характер отношения человека к миру. Поскольку мы ставим своей задачей выявление специфики социокультурного пространства, а значит, и идентификационной сущности регионального сообщества, то считаем возможным определить разнородные элементы, из которых они складывались как целое.

Отправным положением наших рассуждений служит тот факт, что Северный Кавказ, как и весь Кавказ, является горной территорией и домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций. Исключительные природные условия, в которых население этого региона исторически проживает, сформировали взаимоотношения человека и природы, составляющие основу всей цивилизации: характер культуры, тип взаимоотношений человека и общества.

В Хартии горных народов отмечается, что мифы, порожденные этими цивилизациями, ценности, на которых они основаны, их социальные и экономические структуры имеют глубокий отпечаток географического положения. Они также породили культуры, оригинальные и долговременные, как результат территориальной обособленности, благодаря которой происходило их изолированное развитие [11, с. 29].

Рассматривая взаимоотношения природы и человека в регионе, необходимо отметить два положения. *Первое* – данные отношения могут быть выражены в ряде парадигм: привязанность человека к естественной среде, не враждебность человека к природе, а гуманное отношение к ней. Здесь формировалась культурно-экологическая особенность горного образа жизни кавказских народов и экологическое мировоззрение горцев. Тип отношения человека к природе был обусловлен исторически. Эта особенность кавказского менталитета определяла бережное отношение к природе, почитаемое отношение в смысле “культы” земли, пиететное отношение и привязанность к ней, ко всему живому, которое следовало свято оберегать. Об этом свидетельствует многочисленный эмпирический материал.

Ценность прошлого в кавказском сознании, традиционно занимавшая высокое место в системе ценностных приоритетов кавказца, определяла диалогичность природы и человека, формировала экологическое мировоззрение у кавказских народов.

Второе положение – взаимосвязь био- и этносоциокультурного разнообразия. Природное разнообразие повлияло на формирование структуры социальной системы кавказского региона. Этим во многом объясняется то этносоциокультурное разнообразие, которое сложилось в условиях горных и предгорных территорий Кавказа [12, с. 61].

Итак, кавказское общество и социокультурное пространство формировались, разумеется, под влиянием определенных гео-

графических условий. В то же время это не означает, что их образование объясняется лишь своеобразием природных особенностей.

Что же является исторической основой генезиса северокавказской общности? И другой вопрос, вытекающий из него: что же делало человека кавказцем?

Понять это можно, опираясь на следующую методологическую схему, являющуюся, по нашему мнению, достаточно обоснованной. Она связана с представлением об «этнических структурах повседневности» – специфических для каждого этноса, привычных, постоянно повторяющихся в непосредственном опыте людей явлениях. Этот уровень обыденности формирует глубинные основы национального самосознания, национальной самобытности личности и составляет основу общесоциологической категории «образ жизни», придавая ему этническую окраску [2, с. 57]. Именно кавказским образом жизни порождены кавказский менталитет, духовные ценности и предопределены все стороны существа кавказца и его бытия: миропонимание, мироощущение, традиционный миропорядок и т. д. **Более того, на этой основе складывался механизм взаимопонимания, сотрудничества и взаимодействия кавказских этносов.** На этой основе функционировало северокавказское общество.

Следует отметить, что сама жизнь, образ жизни кавказца сформировали ядро системы ценностей не только регионального общества, но и идентичности человека в нем. Социокультурная среда формировала социальные коммуникации, специфический тип взаимоотношений людей, социокультурные институты. Сложившиеся ценности и жизненные смыслы включали особое понимание человека, его места и предназначения. Именно базисная система ценностей явилась основой кавказской культуры, которая формировала отношение к идентификации: обозначилась дихо-

томия «мы» и «они». Появилось понятие «кавказец», наполненное идентификационным содержанием.

Отметим, что иностранцы и русские мыслители, побывавшие на Кавказе, описали свое неоднозначное отношение к образу жизни горцев – это “дикая свобода”, составлявшая неотъемлемую часть их естественных прав и жизненных ценностей, в целом мировоззрения. В то же время отмечалась характерная манера поведения, которую называли «рыцарской», подразумеваемая средневековый западноевропейский менталитет, особенности стиля жизни, поведения, а также этнической психологии кавказцев – свободолюбие, гордость, создававшие особый миропорядок.

В связи с этим хотелось бы отметить одну методологическую особенность: традиционные ценности на Кавказе принадлежали другому типу культуры, не совпадавшей ни с русской, ни с европейской. Поэтому трудно было понять сущность культурной самобытности и самой кавказской культуры.

Итак, осмысление культурной самобытности через «образ жизни» и «стиль жизни» позволяет понять поведение горских народов и специфику их менталитета, а также формирование единого «территориального сообщества» и территориальной идентичности, наполненной смыслом социокультурной среды на Северном Кавказе.

Философское осмысление поставленного вопроса связано с ключевым понятием «система», включающим в себя наряду с другими подсистемами социальные группы, этносы, этнические культуры и т. д. В саморазвивающихся системах, каковой является социокультурное пространство, по словам В.С. Степина, формируются особые информационные структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структу-

ры-коды являются важным компонентом и определяют способы воспроизводимости системы как целого [9, с. 12]. В современной науке такими информационными структурами в социальных системах признаны культура и ее базисные ценности.

Относительно северокавказского социокультурного пространства неизбежен вопрос: можно ли говорить о единой культуре (или целостности культуры), если она состоит из нескольких этнических культур?

Заметим, что на этническом пространстве Северного Кавказа издавна идет естественноисторический процесс развития и взаимодействия разных этнических культур по принципу их взаимной дополнительности. Этнические культуры существуют здесь не одно столетие, взаимодействуя и взаимопроникая одна в другую. Но важно отметить одну особенность – они (этнические культуры) не утрачивают главных своих различий.

Постулирование единства региональной культуры в многообразии этнических культур, безусловно, не самоцель. Главное, на наш взгляд, – понимание того, что культура представляет собой смысловую основу всей жизни. Учет культурной специфики важен еще и потому, что этнокультурные традиции и этнокультурная идентичность составляют основу самобытности, являются системообразующими и наиболее устойчивыми элементами, параметрами порядка, благодаря которым происходит саморазвитие системы. Они формировали социокультурную среду регионального сообщества.

Взаимодействие традиций и инноваций.

В результате изменений северокавказского сообщества, безусловно, изменилась региональная идентичность, изменилась базисная система ценностей региональной идентичности, основывающаяся на культуре (этнических культурах). Несмотря на модернизацию северокавказского

общества, этнический фактор продолжает играть важную роль в регионе. Ценность сущности культурной самобытности – в ее социальном потенциале. Именно поэтому в современной ситуации важно понимание эвристического потенциала этнических культур и его использование в практической жизни. Культурные традиции составляют основу самобытности, являются системообразующими и наиболее устойчивыми элементами, благодаря которым происходит саморазвитие полиэтничного общества как системы.

Понимая правомерность противопоставления традиции инновациям, мы рассматриваем последние в контексте более общего понятия «развитие». Сами традиции не статичны, они динамичны. С точки зрения диалектической концепции, традиция становится участником процесса развития, или, как принято говорить, диалога «нового» со «старым». Этим обеспечивается самобытность самого процесса изменения, развития; в его рамках традиция означает возрождение, придавая старым образцам и ценностям новый жизненный смысл [10, с. 279]. В аспекте духовного обновления традиции несут в себе актуальную духовную нагрузку, и их сохранение возможно не в чистом виде, а в «снятой» форме.

Компромиссная позиция относительно полярности «традиция – современность» высказана Э. Гидденсом. По его мнению, традиции не ушли с модернизацией, а вовлечены в симбиотическую связь с современностью и продолжают жить в самых модернизированных обществах. «Сделка» между традиционностью и современностью произошла в компромиссе между публичной и частной сферами. Социально-политическая (публичная) сфера – демократия, экономика – ушла далеко от традиционности, в приватной сфере – семье, сексуальности – она только усугубилась [13].

Традиции рассматриваются нами как ключ к осмыслению и пониманию других

ценностей северокавказского общества, а также как основа новаций. Каждая культура (в зависимости от степени открытости) перенимает, трансформирует какие-то новые формы, которые могут прижиться на ментальной основе народа. Инновация может утвердить себя через культурные традиции. Это определяет место, роль и силу этнокультурных традиций в полиэтничном обществе. Традиции, как способ сохранения социокультурного опыта, и новации, как процесс его обновления, могут сосуществовать по принципу дополнительности. Взаимодействие культурных традиций и инноваций не следует ускорять и не следует сдерживать, а направлять, создавая условия для взаимообогащения в самоорганизующейся социальной системе.

Несомненно, идентичность, имеющая основанием традиционный компонент, не может в полном смысле стать критерием современности общества, однако ее разные элементы могут самостоятельно эволюционировать в соответствии с присущей им логикой и «вносить свой вклад в неравномерное развитие структур в рамках общества, определяя специфику его саморазвития» [1, с. 419].

Исследования всегда фиксировали трудно-модернизируемый характер северокавказских этносов. Представляется, что северокавказское общество нельзя однозначно определить как традиционное, тем более – как модернизационное. Оно существует и саморазвивается в пространстве «традиционность – современность», с разной силой тяготея к тому или иному полюсу своими отдельными секторами. Однако интересующее нас измерение социокультурной трансформации – этническое – это та сфера, которая в большей степени, нежели другие, воплощает в себе традиционалистскую парадигму существования. Как отмечалось нами, устойчивость этнических паттернов традиционной культуры лишь в большей степени усиливает самобытность процес-

са *осовременивания* Северного Кавказа как формы социокультурной трансформации.

Многоуровневая идентичность.

Плодотворное, на наш взгляд, соотношение традиционности и модернизированности возможно в рассмотрении идентичности как многоуровневого иерархичного образования в континууме «традиционность – современность», которое реализуется через сосуществование традиционных субэтнической, этнической, региональной и современной национальной идентичностей.

Концепция многоуровневой идентичности разработана исследовательским коллективом при участии авторов [4; 5]. Структура такой идентичности выражена несколькими уровнями: этническим, региональным, национальным, цивилизационным и др. Концепция допускает их возможность взаимно дополнять друг друга, сосуществовать, иметь в разной степени актуализированными те или иные уровни в зависимости от социального контекста. Благодаря своей открытости структура многоуровневой идентичности способна “дробиться” на подуровни, прирастать новыми уровнями, а также “открываться” для новых видов идентичности по горизонтали. При этом открытость действует по принципу полилога, выстраивая взаимодействия как внутри системы – между уровнями, так и с другими системами, внешними по отношению к изучаемой. Так, границы между уровнями то устанавливаются, то стираются. Используется термин «трансгрессия», т. е. постоянный самопереход или перетекание пограничья для обозначения современного характера идентичности [9, с. 57]. К примеру, даже этнический уровень идентичности – один из самых традиционных, или в большей степени закрытых, анализируемый именно в структуре многоуровневой идентичности, демонстрирует свойства открытости.

В частности, этническая идентичность может сочетаться с региональной, национальной, цивилизационной, как часть и целое, – она встраивается в них. На это положение опирается концепция многоуровневой идентичности: каждый последующий уровень, вступая в диалог с предыдущим, обогатившись его креативным потенциалом, приобретает большую устойчивость и этим повышает свое интегративное значение и способствует большей устойчивости общности и общества в целом.

Трансгрессия предполагает и обратную зависимость. Национальная российская идентичность, помимо иных, образующих ее маркеров, основывается также на ценности полиэтничности как одной из базовых социокультурных характеристик российского общества. Речь идет о том, что национальная идентичность открыта принятию всего многообразия этнических идентичностей на российском пространстве, “вбирает” их в себя.

Многоуровневая идентичность как система открыта также и внешним по отношению к ней системам. Можно говорить о расширении идентификационных предпочтений за счет солидаризации, с одной стороны, с более крупными общностями, вплоть до всего человечества (открытость макроуровня к мегауровню меняющихся управляющих параметров системы) [3]. С другой стороны – об укреплении базовых идентичностей с малыми группами – семьей, общиной, местным сообществом, что является психологическим ответом на потерю идентификационных ориентиров в условиях нарастающей глобализации (открытость макроуровня к микроуровню при фиксированных управляющих параметрах).

Открытость с характерным “перетеканием” границ между уровнями идентичности делает применимым к последней принцип синергии – суммирующего эффекта взаимодействия двух или более факторов, характеризующегося тем, что их действие

существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы [7]. Идентификационный потенциал данной структуры в целом во многом более значим для персональных и групповых субъектов, так как способствует: 1) обретению уверенности в себе, 2) обретению самопонимания в меняющемся мире, 3) интеграции на каждом из идентификационных уровней. Очевидно, что представленная в виде данной структуры, а также артикулируемая многоуровневость позволит достигнуть этих показателей с эффектом *эмерджентности*, значительно быстрее и эффективнее. Этническая идентичность, будучи усиленной региональной северокавказской, равно как и манифестируемая в контексте российской национальной идентичности, позволит эффективнее солидаризироваться на цивилизационном, геополитическом пространствах. Таким образом, применение принципа эмерджентности к анализу динамического единства многоуровневой идентичности открывает возможности для исследования ее интегративного потенциала, усиленного многократно.

Подведем итог. Переосмысление модернизирующегося северокавказского общества позволяет понять, что на его функционирование и социальное жизнеустройство народов активное влияние оказывает поддержание этнического фактора. Методологическое обстоятельство, помогающее в этом, – системное рассмотрение единства региональной культуры, ядром которой выступают традиционные ценности.

Связь традиций и этничности на Северном Кавказе вполне естественна, поскольку последняя здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социокультурной системы. Познавательные возможности синергетической методологии применительно к многоуровневой идентичности, рассматриваемой в качестве нелинейной самоорганизующейся системы, делают возможным участие в са-

моорганизации процессов управления, в частности – укрепления российской национальной идентичности, в том числе через малые воздействия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богатырева Т.Г. Синергетика глобализационных социокультурных процессов и культурная политика // Глобализация: синергетический подход. М.: РАГС, 2002. – С.414-421.
2. Бороноев А.О., Скворцов Н.Г. Этнос и личность // Человек в зеркале наук. СПб., 1993. – С. 49-61.
3. Буданов В. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/buddannn.htm> (дата обращения: 16.02.2012).
4. Жаде З.А. и др. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. – М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.
5. Жаде З.А. Российская идентичность на Северном Кавказе / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 248 с.
6. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
7. Принцип синергии // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.02.2012).
8. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. – № 8. – С. 5-17.
9. Сурова Е.Э. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. – Вып. 3. – С. 56-67.
10. Толстых В.И. Цивилизация и модернизация в контексте глобализации // Философия, наука, цивилизация. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 270-283.
11. Хартия горных народов // Горы Евразии. Известия. Приложение. 2000. – № 2. – С.1-9.
12. Шадже А.Ю., Дамениа О.Н. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – М., 2002. – № 5. – С. 59-71.
13. Giddens A. The Director's Lecture. Ranaway World: The Peith Lectures revizited. Lecture 3. 24 Nov. 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lecture3.shtml> (дата обращения: 16.02.2012).